

ГЛ *Классика лекций*

Любовь
Казарновская

РУССКИЙ
РОМАНС

*Литературная запись
Георгия Осипова*

Издательство АСТ
Москва 2024

УДК 784.3
ББК 85.314
К14

Дизайн обложки *Александра Воробьева*

Фото на обложке *Роберта Росцика*

Казарновская, Любовь Юрьевна.
К14 Страсти по опере / Любовь Казарновская ; Литературная запись
Г. Осипова. – Москва : Издательство АСТ, 2024. – 304 с. – (Классика
лекций).

ISBN 978-5-17-156603-6

Романс — любимейший жанр в России. В нем как в капле воды заключена вся
стать, мощь, нежность, страсть, боль и радость многогранной Русской Души. Именно
в этом секрет восторга, который на протяжении многих лет заставляет нас плакать
и смеяться, сопереживать и искать все новые и новые «жемчужины» в безбрежном
океане этого жанра... О путях-дорогах композиторов, поэтов, исполнителей романса,
о сложной судьбе самого жанра рассказывает один из интереснейших интерпретато-
ров романса, оперная дива Любовь Казарновская.

УДК 784.3
ББК 85.314

ISBN 978-5-17-156603-6

© Любовь Казарновская, 2024
© ООО «Издательство АСТ», 2024

Тобольский соловей

Александр Александрович Алябьев

Какой из русских романсов наиболее знаменит, наиболее, что называется, на слуху? По-разному можно ответить на этот вопрос, но многие, очень многие ответят: «Конечно, “Соловей” Александра Александровича Алябьева!»

И вполне по делу вспомнят головокружительные фиоритуры прославленных примадонн, одной из которых — была, в частности, знаменитейшие Полина Виардо и Аделина Патти, часто исполнявшие его в сцене урока во втором акте rossиниевского «Севильского цирюльника».

Будем честны — сегодня «Соловей» в абсолютном большинстве случаев является для примадонн разного уровня лишь чисто формальным поводом для демонстрации собственного колоратурно — вокального мастерства.

Кто удосуживается вспомнить при этом, например, о том, что стихотворение Антона Дельвига, на которое Алябьев написал музыку (о том, при каких обстоятельствах это произо-

*Александр Александрович
Алябьев*

Антон Антонович
Дельвиг

шло, речь впереди) называется вовсе не «Соловей», а «Русская песня»?

Что песня эта имеет несколько вариантов текста: в более краткой — 18 строк, в расширенной — аж 28?

Что — несмотря на то, что стихотворение представляет собою монолог девушки — романс был в оригинале предназначен для мужского голоса, и представление об этом оригинале, в котором отродясь не бывало никаких фиоритур-колоратур, можно получить, найдя в Интернете блистательное исполнение великого баса XX века Бориса Христова? И первым исполнителем «Соловья» был очень известный в те времена тенор Пётр Булахов, отец композитора, о котором мы рассказываем в этой книге.

Что... Впрочем, обо всём по порядку. Алябьев, казалось бы, родился — в 1787 году — под счастливой звездой: папа — тобольский губернатор, убеждённый либерал и большой любитель музыки, аристократическая, высококультурная семья, которую, благодаря беспорочной, как тогда говорили, службе главы семейства переводят в столицу. Там юный Александр, в 1804 году (впрочем, перебравшийся в полюбившуюся ему Москву) поступает в службу по горному ведомству и одновременно начинает занятия музыкой со знаменитым контрапунктистом Иоганном Генрихом Миллером, у которого учились многие выдающиеся русские музыканты. В 1810 году публикуются первые музыкальные опусы Алябьева — романс и вальс.

В 1812 году Алябьеву, как и многим его сверстникам, становится не до музыки — он уходит в армию, с которой проходит всю войну — вплоть до взятия Парижа. Сражается в 3-м Украинском казачьем полку, в Иркутском и Ах-

тырском гусарских полках — где встречается с прославленным поэтом-гусаром Денисом Давыдовым. Награждается орденами святой Анны, святого Владимира, заканчивает войну в чине ротмистра. Улица в Западном округе Москвы, названная именем Алябьева, находится в том же «кусте», где и прочие, напоминающие о героях 1812 года, то есть названа она совсем не в честь музыканта!

Но военная карьера совсем не привлекала Алябьева, и дальше вышло чисто по Грибоедову — «чин следовал ему, он службу вдруг (в 1823 г. в чине подполковника — **Л. К.**) оставил».

Службу-то Алябьев оставил, а вот гусарские привычки к картам, вину и прекрасным дамам — увы... Они-то и сломали его жизнь. Есть разные версии того, что произошло 24 февраля 1825 года то ли на почтовой станции Чертаново в окрестностях Москвы, то ли дома у Алябьева. Происшествие это, в частности, описано в романе Алексея Писемского «Масоны».

Вид Тобольска. 1862

Сводятся эти версии, коротко говоря, к следующему. Алябьев сел играть с известным шулером, отставным полковником Тимофеем Времевым.

И либо проигравшийся в дым Времеv отказался платить, либо его поймали на жульничестве — а за это, по правилам тех времён, полагалось без лишних церемоний, «оглоушить канделябром». И то ли именно так поступил Алябьев, то ли отвесил шулеру хорошую оплеуху... в общем, не отличавшийся, как выяснилось впоследствии, богатырским здоровьем Времеv через три дня умер не то от апоплексического удара, не то разрыва селезёнки.

Короче, Алябьева обвинили в преднамеренном убийстве. Присутствия духа он не терял, даже находил в себе силы шутить: мол, хорошо, что не обвинили в том, что пьяный дворник, который убирал мой двор и столяр, который строгал мой стул, умерли оттого, что я их сильно бил и поил их водкой. Тем более, что никаких прямых доказательств вины композитора не было. «...*Твоя воля отнята, Крепко клетка заперта, Ах, прости, наш соловей, Голосистый соловей...* — писал в те дни Дельвиг. «Не так живи, как хочется, а как Бог велит; никто столько не испытал, как, я, грешный...» — писал сам о себе Алябьев.

Подводя итог следствия, тянувшегося несколько лет, новый император попомнил Алябьеву и либеральные убеждения отца, и его собственную давнюю дружбу с весьма вольнодумным Денисом Давыдовым, а равно и многими «друзьями» Николая I по 14 декабря. Да и впоследствии отличавшийся редкостной злопамятностью венценосец наотрез очень долго отказывался даже рассматривать прошения о смягчении участи исторгнутого из дворянского сословия и сосланного в Сибирь, а потом на Кавказ Алябьева.

И не то, чтобы никто за Алябьева не вступался. Вступались, и не раз. Сначала Верстовский. Потом, уже в ссылке, оренбургский губернатор Василий Перовский.

Но некий власть имущий полицейский чин изрёк назидательно и непререкаемо: «Таким надо одуматься. Пусть посидит в тюрьме, подумает о себе, подумает о жизни, вреда не будет». Одним словом, кого наказывать — мы решили. Теперь надо решать — за что. Как это напоминает другое печально знаменитое дело николаевской эпохи — дело Симоны Диманш и тоже весьма строптивого драматурга Александра Сухово-Кобылина!

Но — удивительное дело! Жить без музыки Алябьев просто физически был не способен. Даже в тюремную камеру ему по просьбе друзей доставили фортепиано, и, по легенде, «Соловей» был сочинён именно в неволе — как это созвучно чувствам героини романса, который был впервые исполнен 7 января 1827 года в Большом театре — автор ещё пребывал под следствием.

Очень показательно, что издан «Соловей был» только 16 лет спустя, в 1843 году — когда Алябьев получил разрешение снова поселиться в Москве

В день первого исполнения не раз просивший за Алябьева Верстовский, в то время инспектор музыки Дирекции московских театров, сказал: «Русскому таланту и тюрьма на пользу». «Передайте ему, что рядом со мной полно свободных камер», — невесело парировал Алябьев.

Он, сопровождаемый добровольно последовавшей за ним сестрой Екатериной, отбыл в Сибирь — в родной ему Тобольск. Где создал хор и военный оркестр — не хуже императорских! А «Соловей» начал триумфальный полёт не

Петр Булахов — первый исполнитель романса «Соловей»

Умберто Джордано

Зонтаг. Композитор Михаил Глинка. Скрипач Анри Вьетан. Гитарист Михаил Высотский. Композитор Умберто Джордано — романс барона де Сирье из оперы «Федора» основан на темах «Соловья».

только по России — по миру! «Иногда в музыке нравится что-то совершенно неуловимое и не поддающееся критическому анализу. Я не могу без слёз слышать “Соловья” Алябьева!!! А по отзыву авторитетов — это верх пошлости» — писал Пётр Ильич Чайковский Надежде Филаретовне фон Мекк 3 мая 1877 года.

Кто только не писал вариаций на темы «Соловья» — воистину нет им числа! Певица Генриетта

Пианист-виртуоз Ференц Лист.

С Ференцем Листом — вообще отдельная история. После четырёхлетнего пребывания в Сибири Алябьев сам попросился на Кавказ, где он служил регентом Троицкого собора Ставрополя. И именно туда ему прислали ноты листовских вариаций на темы «Соловья». Алябьев был в восхищении, написал Листу благодарственное письмо. И тот предложил ему встретиться — в те годы автор «Грёз любви» не раз приезжал на гастроли в Россию.

Да вот беда — Алябьев, пребывавший под постоянным надзором полиции, не имел права даже ненадолго приезжать в столицы. И в своём письме Лист пишет Алябьеву, что мечтает услышать ещё какие-то его произведения, что он ощущает удивительный мелодический склад его таланта, который приводит его, Листа, в полный восторг. И просит как можно чаще присылать свои произведения. Замечательный музыкант, композитор и не менее замечательный издатель Матвей Берnard (о нём — следующая глава) из-

даёт произведения Алябьева, посылает их непосредственно Листу. И Лист во всеуслышание заявляет, что талант Алябьева сопоставим с талантами самых выдающихся композиторов, встречавшихся на его пути...

И ведь было что присылать! Музыкальное наследие Алябьева огромно. Шесть опер. Почти две сотни романсов. Например, «Нищая» на стихи Беранже, «Кабак», «Изба», «Деревенский сторож» — предвосхищающие некоторые открытия Даргомыжского — с ним, кстати, Алябьев подружился после возвращения в Москву. «Я вас любил» — посвящение Екатерине Александровне Римской-Корсаковой. «Зимняя дорога» — на стихи Пушкина. «Два ворона». Также написанный тюрьме «Один ещё денёк», когда-то не менее популярный, нежели «Соловей».

Музыка к двадцати водевилям. Многочисленные обработки записанных в разных краях народных песен, в первую очередь украинских — благодаря дружбе с известным фольклористом Михаилом Максимовичем. А в какой степени оно известно нам? Кроме, конечно, «Соловья». Ответ будет весьма неутошительным... Между прочим, принято считать, что Алябьеву принадлежит и другая, давно отделившаяся от автора и ушедшая в народ мелодия — «Вечерний звон». Хотя некоторыми музыковедами эта версия подвергается сомнению.

На премьере одной из своих опер, «Лунной ночи», Алябьев знакомится с очаровательной Екатериной Римской-Корсаковой.

Ференц Лист

*Екатерина Александровна
Римская-Корсакова*

Ему — 37, ей — едва исполнилось 20. Он пишет ей романс-посвящение, в котором признание в любви буквально в каждой ноте. Но увы, она замужем за неким Офросимовым.

Что остаётся? Только ждать пока Екатерина овдовеет, что и произошло в 1840 году, после чего Алябьев, продолжавший оставаться под полицейским надзором, обвенчался с ней в Троицком храме усадьбы Рязанцы Богородского уезда — усадьба принадлежала родной сестре Алябьева, Наталье Александровне Исленьевой, в которой несколько

лет назад был открыт памятник автору «Соловья».

С подружкой ему по-настоящему повезло — Екатерине и в голову не пришло сказать ему, что ты-де свою жизнь промотал, пропил, прокутил и ты больше никто, звать тебя никак и вообще я тебя знать не знаю и ведать не ведаю. Нет. Екатерина была великая душа-утешительница, она отлично понимала, какая доля выпала на долю её супругу.

И он был ей под стать, не огрубел, не озлобился, остался светлым и добрым человеком, настоящим христианином, как бы говорившим окружающим: ну что же поделать, если так сложилась моя судьба? Неужели она помешает мне обожать жизнь, радоваться мелочам, ценить каждое мгновение, каждый миг, в который я могу прикоснуться к клавишам, когда играют мои произведения? И пять лет, прожитых Алябьевым в Подмосковье

(Рязанцы и Коломна) были весьма плодотворными для него — было написано около полусотни романсов и опера «Амалат-бек».

Старший Аксаков написал об Алябьеве — в конце концов ему всё-таки позволили жить в Москве — незадолго до его смерти: «Лета, болезни и несчастья остепенили его и сделали добрым и мягким. Это я видел из обращения его с людьми и вообще с бедным классом народа. Здесь добыл он где-то рояль и много занимается музыкой...».

До конца правления «неудобозабываемого», по выражению Герцена,

Троицкая церковь в усадьбе Рязанцы Щёлковского района Московской области

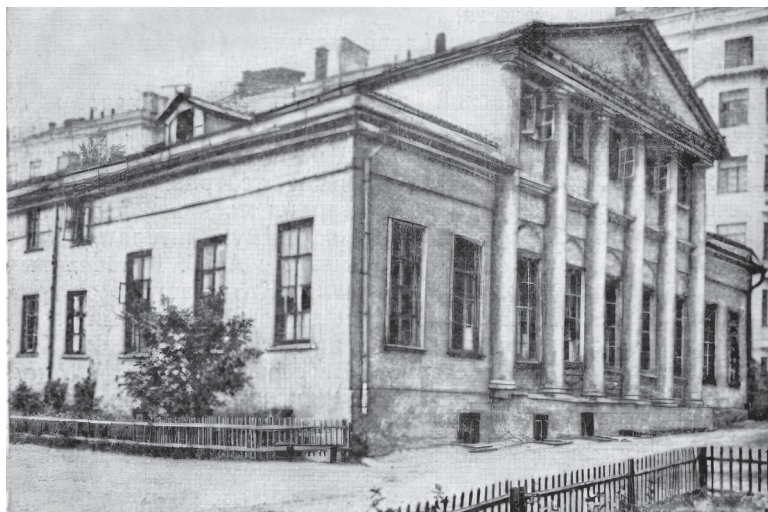
Николая I, Алябьев не дожил — он умер в марте в 1851 года и был похоронен на кладбище московского Симонова монастыря.

А какие слова заслужил он от потомков?

«Любопытное было это дарование по душевной чуткости и соответствию запросам множества людских сердец, бившихся в тон алябьевским мелодиям... В нем уживались пестрота наблюдений ума и чем-то вроде “фельетониста от музыки”, с вниканием в запросы сердца своих современников».

Это пишет об Алябьеве известный сталинский «музыковед в штатском» Борис Асафьев. «Любопытное...» «Фельетонист от музыки»... Чувствуете — и сравните с отзывами Листа и Чайковского! — это столь характерное у «знатоков» снисходительно-барственное похлопывание по плечу композитора-дилетанта?

С таким определением могила Алябьева ну никак не могла попасть в список тех немногих и идейно, с точки зрения советской власти, правильных, что были перенесены на другие погосты из полностью уничтоженного в январе 1930 года вместе с большей частью клад-

Дом Алябьева в Москве на Новинском бульваре

бища *Симонова монастыря*.
Она и не уцелела.

Место, где она находилась, неизвестно даже приблизительно. И остаётся только надежда на то, что Москва, к которой автор «Соловья» был так привязан, когда-нибудь почтит его достойным памятником... Как это сделали в подмосковном селе Рязанцы и на родине Алябьева — в Тобольске.

Вариант 1

Соловей мой, соловей,
Голосистый соловей!
Ты куда, куда летишь,
Где всю ночьку пропоешь?
Соловей мой, соловей,
Голосистый соловей!

Кто-то, бедная, как я,
Ночь прослушает тебя,
Не смыкаючи очей,
Утопаючи в слезах?
Соловей мой, соловей,
Голосистый соловей!

Побывай во всех странах,
В деревнях и городах:
Не найти тебе нигде
Горемычнее меня.
Соловей мой, соловей,
Голосистый соловей

Памятник Алябьеву в Тобольске